

ГИПСОВЫЙ СЛОН

1

– Поджигай! – из разбухшего от всяческих безделиц кармана Петька не без труда выудил замятый коробок и протянул мне.

На его загорелом, веснушчатом лице попеременно сменялись то мальчишеский азарт, то не детская сосредоточенность.

Опадающее за горизонт солнце в бессилии разменивало последние крохи света. Я взял спички и в последний раз оглядел двор - опустевший и сумрачный:

- дома, держащие оборону плотным периметром;
- скамейки, распластавшие свои реечные спины вдоль парадных подъездов;
- многочисленные деревья, превращавшие двор в парковую зону;
- редкие, мутноватые фонари, отчаянно боровшиеся с неизвестностью;
- гипсового Слона, принимавшего душ в центре фонтана.

Своим хоботом животное пользовалось как лейкой – окатывая себя плотными, изогнутыми струями. Впрочем, на ночь напор отключали, и сейчас казалось, что нашему слонику нет никакого дела до водных процедур. Чудилось, что он замер на половине движения – ещё чуть-чуть и хобот распрямится вверх тугой биссектрисой, разнося вокруг трубный сигнал тревоги.

– Всё-таки учуял, толстокожий, – картинка ожившего слона не добавляла мне решительности, я медлил, мелко переступая с ноги на ногу.

– Чего зассал? Дай я, – Колян, мой второй товарищ, перекосив лицо едкой ухмылкой, сцедил слону на асфальт и шагнул в мою сторону. За его спиной ещё один участник предприятия – Сева, презрительно резанул уличной прибауткой:

– Не ссы, Капустин, пое**м – отпустим!

Нецензурная брань, как часто бывает, побудила меня к немедленному действию. Только на этот раз оно не вылилось для остряка в неизбежные травмы (дворовый этикет подразумевал серьёзные побрякушки для своих). Я просто присел, резко, коротко прошершавил головкой спички по краю коробка и тут же умело сложил ладони домиком, укрывая от ветра нервное пламя. Поначалу, огню что-то не нравилось – он так и норовил соскочить с тонкой щепки обратно в потусторонние сферы своего плазменного бытия. Впрочем, уже через пару мгновений безветренная погода вкупе с моими навыками одержали верх: и вот уже дорожка пороха на асфальте искрится и пыхтит, неся свой пламенный состав к намеченной цели...

Как мы тогда бежали! По всем прикидкам у нас было не больше семи секунд, чтобы оказаться на углу дома – месте достаточно удалённом и с хорошим обзором. Наша спортивная подготовка не подвела и, едва запыхавшись, мы

могли наблюдать действие во всей своей полноте и, как нам тогда казалось, законченной определённости. Взрыв! С чем его сравнить? Сейчас он напоминает мне подрыв пехотной мины, выстрел гаубицы, хлопок истребителя, преодолевающего звуковой барьер.

А тогда... Тогда это больше походило на удар грома, когда грозовой фронт проходит низко, словно над самой головой, когда темное полотно небес полощется и ревет в бликах молний, без промежутков между огненными всполохами и резким грохотом. В следующие секунды темные короба домов ожили гроздьями вспыхнувших окон, застучали дверями балконов, загудели разноголосием разбуженного людского улья. Одновременно спадающая взвесь гипсовой крошки и дыма открывала нам картину, указывающую на тщетность наших усилий: леопардовый от облупившейся краски, с кусками арматуры, вылезавшими из ноги... но Слон стоял! Стоял, и сейчас, накренившись, обвинительно указывал в нашу сторону!

– Дёрнули! Опять мультики смотришь? – Колян крепко рванул меня за руку, увлекая за собой. Со стороны центральной улицы раздавались знакомые свистки постовых.

2

Родившись в 1946 году, я, как и все мои товарищи, принадлежал к первому послепобедному поколению. Какими мы были? Романтиками? Хулиганами? Про наших матерей можно сказать, что война сначала проникла в их души иссушающим ожиданием похоронок, а затем вошла в плоть семенем мужей, вернувшихся с фронта. На наших отцов мы смотрели со смешанным чувством гордости-зависти. Война не убила, не сломала их, а сделала героями-великанами, и мы со всем безрассудством юности готовились встать с ними вровень.

Первые дети победителей, мы не могли родиться другими. Запах пороха и грохот битв был частью нас самих. Не скажу, что мы грезили самой войной, но мы мечтали о Победе, Победе, которая выпадет и на нашу долю. В этой атмосфере все трудности послевоенной жизни воспринимались нами обыденно, мы их будто и вовсе не замечали.

Для восприятия человека всегда важнее не столько сама ситуация, сколько её развитие, перспектива. С чем-чем, а с дорожной картой на будущее в нашем детстве был полный порядок: отменялись карточки, цены падали, города отстраивались, страна ускоренно набирала силы для грядущего рывка в космическое завтра.

Дом, где жила моя семья, по советским меркам можно было назвать элитным – пятиэтажка с высоченными потолками.

Само здание располагалось вдоль центральной улицы. Состав жильцов в основном формировался из действующих офицеров КГБ и членов их семей. Мой отец служил начальником отдела кадров на полковничьей должности. В детстве я видел его только по выходным. И даже тогда он не мог

гарантировать себе полного отрыва от работы – здание главного республиканского управления суровой гранитной глыбой возвышалось через дорогу прямо напротив наших окон.

Были ли они счастливы? Люди, рвавшие на войне жилы – свои и вражьи, вынужденные теперь вновь тянуть нелёгкую лямку? Не знаю, своего отца я никогда не видел подавленным, только один раз услышал, как он на кухне в сердцах крепко выругался при матери «***** ***** ***** эта сволочная работа!»

И надо сказать, что не всем она оказывалась по плечу. Иногда нервы людей настолько выгорали, что истончались до толщины волоса, готового истлеть вконец от легкого прикосновения огня.

Заманчивая доступность личного оружия, понятно, положения не улучшала – редкий год проходил, чтобы в нашем доме не стрелялись офицеры. Как мы это воспринимали? Скажем так: для нас это не было потрясением основ.

Отцы передали нам своё отношение к Вечной Пустоте: когда слишком часто заглядываешь ей в глаза, смерть, даже трагическая, становится частью естественного хода вещей.

К тому же, стреляться не считалось чем-то зазорным. Контора придерживалась схожих взглядов, организуя официальные похороны с обязательным воинским салютом при погребении. Семья, оставшаяся без кормильца, обеспечивалась приличной военной пенсией.

3

Сначала был оружие.... Первый раз отец мне дал пистолет, когда мне было четыре года. Я хорошо помню, как ощущал его тяжесть, неумолимо тянущую вниз. Помню холодную, чуть отливающую синевой сталь ствола....

Наверное, это говорит о многом, когда именно такое событие открывает каталог твоих воспоминаний. Моя книга осознанной жизни начинается с того, что я сижу на коленях отца, от него пахнет табаком и оружейной смазкой, он достаёт из скрипучей кобуры пистолет и осторожно кладёт мне в руки...

К шести годам я уже хорошо знал, что оружие отца называется пистолет ТТ, что до выстрела нужно снять предохранитель и передёрнуть затвор. И пусть мне не хватало сил на последнее действие (за меня это делал отец), на курок я нажимал всё-таки сам, изо всех мальчишеских сил давя на неподатливый рычаг обеими руками.

Я не был исключением среди своих сверстников, для всех нас настоящий пистолет был почти таким же таким обычным предметом домашнего обихода, как люстра или радиоприёмник. Возможно, многие офицеры нарушали инструкции, но по факту пистолет, висящий в шкафу в прихожей, не был для нас большой редкостью. Работа моего отца практически не сопрягалась с оперативными делами, и он часто оставлял оружие дома.

В тот день стояла страшная жара, окна и форточки не стесняясь, распахнули свои створки, охотно отдаваясь малейшему поползновению ветерка.

Потолочные вентиляторы с размеренным гудением бестолково гоняли раскалённый воздух по жилому пространству. Позавчера мне исполнилось шесть лет, и я, вместо того чтобы играть во дворе в казаков-разбойников, лежал и прел в кровати с диагнозом скарлатина. Скукотища.

К полудню жара стала просто невыносимой. Мать вышла к подруге в соседний дом занять хозяйственного мыла. Отец как всегда был на работе. Когда напольные часы начали отбивать полдень, сквозь удары курантов со стороны моего окна слышались не самые характерные звуки. Наша квартира находилась на втором этаже. Под ней густо увешенная тенью деревьев располагалась крыша пристроенного магазина.

И вот сейчас, судя по хрусту кровли, по ней кто-то ходил. Через некоторое время, заполненное вознёй и сопением, я увидел, как в проеме нашего окна появляются две продольные жердины лестницы.

Не припомню, чтобы я о чём-то думал в тот момент, что-то испытывал. Решение было принято мгновенно, после чего я:

- а) немедленно перешёл к действию;
- б) целиком превратился в его исполняющую функцию;
- в) с неумолимой чёткостью запрограммированного механизма;
- г) утерев набежавшие сопли и подтянув штаны.

Быстро подошёл к платяному шкафу, достал пистолет из кобуры, снял с предохранителя и стал ждать, когда же над лестницей покажется нечто чужеродное, опасное, вражеское.

Явление не заставило себя долго ждать – сначала показалась белая летняя кепка, затем жизнерадостно рыжая шевелюра и наконец веснушчатая физиономия непрошеного визитёра. Странно, я до сих пор помню переливы эмоций на его лице: небрежное недоумение, удивление, страх. Да, страх был последним чувством, застывшим в его глазах – прямым ответом на чёрную бесконечность наведённого в его лоб ствола. Выстрел дёрнул пистолет вверх. За окном слышался грохот падающей лестницы, и будто что-то тяжелое, мягкое ударило о крышу магазина.

Через несколько секунд я уже открывал дверь сбежавшимся на выстрел соседям. Вскоре появилась и мать с белым от страшных предчувствий лицом...

Непосредственным результатом происшествия стала дырка в верхней части оконной рамы – пистолет всё же сильно увело. В грабителя я не попал, он рухнул со страху, в слепом желании как можно дальше разойтись с пулей в пространственных координатах. При падении он сильно повредил ногу и его, едва ковыляющего, вскоре забрал милицейский патруль.

Итогом этого события явилось родительское поощрение, выстрелившее дуэтом – в виде сдвоенного похода зоопарк-кино. Но главным призом для меня стал взгляд отца – я впервые увидел в нём гордость за сына. Отец гордился мной! Мной, шестилетним мальчишкой!

Впрочем, для меня в этой истории была и обратная сторона. На следующий день два бугая с сержантскими нашивками затащили в родительскую комнату огромный железный сейф – период свободного оборота оружия в отдельно взятой квартире был закончен. Послевоенная вольница уступала место чёткому расписанию мирной жизни.

4

Пару кварталов, отделяющих нас от дома, мы преодолели в едином спринтерском рывке. Затем, едва остановившись, заговорили все разом. – Говорил, нужно было больше патронов надёргать! – прерывисто сипел Петька, согнувшись напополам. Своей позой, раскрасневшимся лицом, рыжими волосами, широко раскрытым ртом он напоминал мне сейчас горбатую золотую рыбку, какие иногда рождались в нашем аквариуме. Речь остальных ребят в основном строилась на творческом переосмыслении нецензурной лексики.

В течение следующих двух часов мы двигались строго по намеченному маршруту: в обход центральных улиц, мест дислоцирования патрульного состава и возможного скопления людей. По прибытии на пригородную спортивную базу (сборы были в самом разгаре) нам удалось незамеченными пробраться в свою комнату. Предполагалось, что алиби будет железным..... Рассвет. Медленно спадающая темнота. Как будто кто-то неспешно подкручивает регулятор яркости огромной лампы – осторожно, боясь разбудить спящих, а затем вдруг теряет терпение и даёт ток на полную мощь. Первые, яростные лучи – казалось, вот-вот, и окна домов не выдержат их напора, зазвенят, распадутся мириадами солнечных брызг.

Обычно восход светила (когда оно бывало в ударе) достаточно быстро выводил меня из мира снов. На этот раз к моему пробуждению слово «быстро» применить было затруднительно. Никогда до этого мне не удавался такой трюк – практически синхронное выполнение двух движений:

- подскакивание на кровати из лежачего положения;
- приведение тела в вертикальное положение.

Причиной акробатического этюда послужил громовой, с дрожанием стёкол стук в дверь. Мои товарищи в целом последовали моему примеру. Только Колян ещё лежал на постели, бормоча что-то невнятное и вяло протирая глаза. Ещё плохо понимая, что происходит, я открыл дверь – у порога стояли наши отцы, одетые в рабочую (военную) форму. Их взгляд при всём желании трудно было назвать отеческим:

– Две минуты на сборы, ждём у ворот, – пахнуло крепким табаком и перегаром. Не заходя в комнату, они двинулись на выход. Лихорадочно

одеваясь, мы избегали смотреть друг другу в глаза. В воздухе почти физически ощущался прогорклый, жжёный запах слова «Спалились!» Доехав до своего двора, мы обнаружили трёх вооружённых карабинами солдат срочной службы. Рядом с ними нервно курил молодой, чубатый капитан в милицейской форе. Судя по окуркам, устилавшим асфальт, это была далеко не первая его папироса. Нам было приказано оставаться в машинах, в то время как наши родители не спеша выдвигались на переговоры – трое чуть сзади, мой отец впереди. Он подошёл к милиционеру и резким движением протянул ему своё удостоверение. Некоторое время капитан изучал его, а затем, показав своё, с торжественным видом вытянул из планшета сложенный пополам лист бумаги.

Мы не могли расслышать слов, но вся сцена разговора была перед нашими глазами. Я хорошо видел, как мой отец взял листок, как напряглось его лицо, а на скулах заиграли желваки. Затем, вернув бумагу, он произнёс несколько фраз, о смысле которых я могу только догадываться. Каждое его слово оставляло видимые следы на лице милиционера – прямо на глазах оно теряло свою напускную уверенность и в конце уже больше напоминало физиономию нерадивого ученика, вызванного к доске. В течение нескольких минут мы наблюдали, как наши неудавшиеся конвоиры коротко переговариваются, собирают свои окурки в урны и... покидают двор.

Капитан шёл последним. Он был очень, очень задумчив...

Не останавливаясь на всех последствиях, могу сказать, что вся эта история, конечно же, не прошла для нас даром. Домашний арест на выходные, лишение карманных денег – лишь небольшая часть санкций, обрушившихся на наши головы.

Какими мы были тогда? Мне и сейчас не просто ответить, проще сказать, каким мы **не были**, и кем мы стали.

Мы не были домашними мальчиками: дрались с ребятами из других районов на танцах, не поделив девушек, или просто так, показывая молодецкую удаль (дурь). Могли жёстко схлестнуться с отъявленной шпаной, когда та шибала деньги у малолеток, обворовывала стариков. Между своими потасовки были редкостью.

Мы не были лоботрясами – неплохо учились в школе. Ко времени описанных событий уже почти каждый из нас имел взрослые спортивные разряды, хотя нам было по 13-15 лет.

Да, наши отцы могли недосчитаться пистолетных патронов, но, когда мы узнали, что наш одноклассник втихаря сбывает родительское золото, ему пришлось переводиться в другую школу.

Да, мы не были героями, но нельзя сказать, что импульс, который придала нам Победа, ушёл в песок удальских забав: Колян стал известным архитектором, Петька – директором оборонного завода, Сева – лётчиком-испытателем.

Про себя могу сказать, что железная хватка войны, наверное, так и не отпустила меня – вершиной моей карьеры стали три золочёные полковничьи звезды – хоть в чём- то стал вровень с отцом.

Жизнь, как водится, разбросала нас. Из каждого поколения она собирает свои, особенные пасьянсы. Иногда карты долго не ложатся в нужную комбинацию, иногда падают со стола.

Когда, спустя много лет мы встретились с Петькой (Петром Ивановичем) за неспешным коньячным разговором, то после многочисленных расспросов-ответов – как родители? как жена? ты сейчас где? слышал, что... похоронили недавно... третьего родила... – неизбежно возникла тема: а помнишь, как...? Тогда, я спросил его:

– Слушай, дружище, а чего мы так со Слоном этим... как упёртые...

После чего Пётр как-то странно посмотрел на меня, а затем, внезапно разозлившись, закивал головою, затряс, обращёнными вверх ладонями:

– Ну, понимаешь, не нравился он нам!

Операцию «слоник» мы все же довели до конца - примерно через полгода после первой попытки.

Уже на следующий день приехал грузовик - лежащего на боку обитателя фонтана погрузили в кузов и увезли. В тот раз я чуть не лишился руки, впрочем, это уже другая история.